

© 2017 г.

В.Н. ПРОТАСОВ

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ВЛАСТВОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ САМОСОХРАНЕНИЯ И ЭКСПАНСИИ БЮРОКРАТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Протасов Валерий Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права (Москва, Россия) (E-mail: dexter710@mail.ru).

Protasov Valery N. — Doctor of Law, professor on faculty of the theory of the state and right (Moscow, Russia) (E-mail: dexter710@mail.ru).

Аннотация: выявляется соотношение понятий “бюрократия” и “бюрократизм”. Показываются природа бюрократизма, его сущность, основные черты, предлагаются методы борьбы с ним. Ставится проблема абсурда в социальном управлении, анализируются абсурдные методы властвования как признак крайней степени бюрократизации управленческой системы. Отмечаются иррациональные тенденции в управлении современным российским образованием и наукой. Уделяется внимание проблеме подготовки бакалавров и магистров, которые рассматриваются как продукт бюрократической реформы российского образования.

Abstract: the parity of concepts “bureaucracy” and “bureaucracy” comes to light. The basic features, methods of struggle with it are shown a nature of bureaucracy, his essence. The problem of absurdity in social management is put, the absurd methods managements as an attribute of an extreme degree bureaucracy of administrative system are analyzed. It are marked erroneous of the tendency in management of modern Russian education and science. The attention to a problem of preparation of the bachelors is given which are considered as a product of bureaucratic reform of the Russian education.

Ключевые слова: наука, юриспруденция, власть, бюрократия, социальное управление, абсурд, методы социального управления.

Key words: science, jurisprudence, authority, bureaucracy, social management, absurdity, methods of social management.

Исходные черты бюрократии. Бюрократия — это явление общественное, социальное, присущее только социуму (обществу). Бюрократия, как и демократия, неразрывно связано с таким социальным явлением, как власть; не случайно в составе обоих слов содержится указание на власть (греч. *kratos* — власть).

Бюрократия, как и демократия, может касаться не только власти государственной, но и власти в общественной организации, например в политической партии. Однако бюрократия, в отличие от демократии, может иметь место только в том случае, если субъект власти и ее объект разделены, отчуждены друг от друга (что характерно для государственной власти). В этом состоит объективная основа бюрократизма.

Соотношение понятий “бюрократия” и “бюрократизм”. Существует мнение, что бюрократия и бюрократизм — это явления разные. При этом «бюрократия» трактуется как явление не такое уж плохое, а «бюрократизм» — как зло, которое должно оцениваться негативно и с которым

нужно бороться. Так, Б. П. Курашвили полагает, что бюрократизм — это неприемлемый, извращенный стиль (или форма) управления, а “бюрократия — это совокупность бюрократов, образующих некоторый слой, клан или группу в аппарате управления и в обществе”¹. Думается все-таки, что бюрократия — это не совокупность бюрократов (так же как демократия — это не совокупность демократов), а определенный способ организации власти в официальных общественных образованиях. А бюрократизм (так же как и демократизм) — совокупность свойств, качеств, признаков, характеризующих бюрократически (а в случае с демократией — демократически) организованную властно-управленческую систему.

По существу, бюрократия и бюрократизм — это одно и то же явление, но рассматриваемое в разных плоскостях, в разных отношениях. Подобным образом понятия “государство” и “государственность” указывают на одно и то же явление, но слово “государство” обозначает его как некую

¹ См.: Курашвили Б. П. Борьба с бюрократизмом. М., 1988. С. 5.

самостоятельную целостность, а термин “государственность” позволяет рассмотреть государство под углом зрения его неразрывной связи с обществом: “государственность” определяет принадлежность государства обществу, указывает на государство как на определенное свойство (характеристику) общества.

Сущность бюрократизма. В бюрократически организованном властеотношении *субъект власти и ее объект разделены*, отчуждены друг от друга. Реальное несовпадение субъекта и объекта власти, их разделенность объективно определяют несовпадение их интересов, что потенциально таит в себе опасность обращения властвующим субъектом данной ему власти в свою пользу, использования ее для удовлетворения интересов властной системы. В этом — основа и суть бюрократизма.

В процессе бюрократизации властный субъект перестает в своей профессиональной деятельности ориентироваться на ту цель, для которой он создан, и начинает работать на сохранение и упрочение своего статуса, учитывая в первую очередь свои собственные интересы. Итогом этого процесса является гибель самой властно-управленческой системы. Последнее происходит в силу той общесистемной закономерности, что бесцельное развитие системы (развитие системы, не являющейся или переставшей быть элементом другой системы) представляет собой, по существу, процесс самоуничтожения, непременно приводящий систему к внутреннему взрыву (подобно тому, как лопается непомерно раздуваемый шар). Существование властно-управленческой системы, отошедшей от объекта своего управления, “забывшей” свои функции, бессмысленно. Субъект власти, противопоставивший себя объекту управления, просто нежизнеспособен вне социально полезных связей. Тем более что зачастую в таких случаях объект власти становится субъектом, устраняющим дисфункцию пораженного бюрократизмом властеотношения.

Методы борьбы с бюрократией как социальным явлением. Бюрократизмом может быть поражен любой уровень государственной власти: должностное лицо, государственный орган, государство в целом. При этом бюрократизм представляет собой явление динамическое: он подвержен трансформации, т.е. во властно-управленческой системе его может быть больше или меньше. Следовательно, борьба с бюрократией возможна и необходима.

Полностью искоренить бюрократию (как в рамках конкретной властно-управленческой системы, так и в масштабе общества) возможно,

только лишив ее названной выше объективной основы путем перехода на принципиально иной способ управления, а именно: на самоуправление, которое предполагает совпадение (полное или частичное) субъекта и объекта власти. Так, человек на социальном уровне зачастую выступает как объект управления, а на уровне физиологическом, как целостный живой организм, он представляет собой самоуправляемую систему, которая не может “обюрократиться”: человек не может стать бюрократом по отношению к самому себе. Не было бюрократии и в догосударственных формах организации власти, которые представляли собой первобытное, естественное самоуправление.

Самоуправление — это апофеоз демократии, ее наиболее полное воплощение. Однако переход на самоуправление возможен не в любых социальных условиях и не для всех властных систем. И в таких случаях должна быть разработана и применена система тактических мер борьбы с бюрократизмом. Общая задача этой системы — создание устойчивой обратной связи субъекта власти и объекта. Средства для налаживания такой связи имеют демократическую природу и в целом известны: это демократические процедуры формирования властных систем, позволяющие влиять на их структуру и личностный состав, механизмы общественного контроля и др.

Основные черты бюрократизма. Бюрократизм как явление, олицетворяющее определенный способ организации власти, имеет характерные черты.

Это явление общественное, социальное, присущее только социуму (обществу), неразрывно связанное с таким социальным явлением, как власть, организовано по принципу разделения субъекта и объекта власти (именно так организована государственная власть).

Проблема бюрократизма характерна для официально оформленных общественных образований (коллективов, организаций), хотя в целом она является частным проявлением общей закономерности взаимоотношений центра управления и его объекта в условиях их разделенности.

Объективной основой бюрократизма является разделение субъекта власти и ее объекта, их отчуждение друг от друга, которое постоянно таит в себе опасность обращения властвующим субъектом данной ему власти в свою пользу, ее использования для удовлетворения интересов властной системы. В этом — сущность бюрократизма.

Бюрократизмом может быть поражен любой уровень государственной власти: должностное лицо, государственный орган, государство в целом.

Бюрократизм есть явление динамическое: во властно-управленческой системе его может быть больше или меньше. Это обстоятельство определяет возможность и необходимость борьбы с бюрократизмом.

Различные системы государственных органов подвержены бюрократизму в разной степени: в наибольшей степени к бюрократизации склонен профессиональный аппарат управляющих, государственных служащих, составляющих основу исполнительной власти, а в меньшей — государственные органы, образуемые демократическим путем.

“Бюрократия” — это способ организации власти, а “бюрократизм” — совокупность качеств, свойств, признаков, характеризующих бюрократически организованную властно-управленческую систему. Бюрократия постоянно стремится к экспансии, к воспроизводству в расширенном масштабе.

Бюрократия и демократия теоретически представляют собой противоположные по своей сущности способы организации власти. При этом, однако, взаимосвязи бюрократии и демократии совсем не просты. Демократия как один из способов организации систем государственной власти выступает, таким образом, и способом организации бюрократических по исходной природе органов власти.

Радикальным средством борьбы с бюрократизмом является смена самого принципа организации власти и управления, а именно: переход на самоуправление. Однако такой переход возможен не в любых социальных условиях и не для всех властных систем. В этих случаях должна быть налажена устойчивая обратная связь объекта и субъекта власти.

Абсурдные методы властвования как признак крайней степени бюрократизации управленческой системы. Крайняя степень бюрократизации управленческой системы характеризуется предельным подчинением системы абсурдным требованиям. Такие требования можно воспринять как результат пониженной интеллектуальности, недалекости или недостаточной квалификации чиновников. И поначалу элементами подвластной системы они именно так и воспринимаются. Однако в дальнейшем приходит понимание того, что ситуация совсем не так проста, как

кажется на первый взгляд, и здесь нужно искать свои закономерности.

Абсурдные требования и правила во властно-управленческих отношениях обладают особыми свойствами и имеют особое значение. Во-первых, они объективно обладают свойством особой затруднительности с точки зрения исполнимости, что ставит подвластную систему в наибольшую степень зависимости от властвующего субъекта. В этом смысле абсурдное требование — наиболее эффективный инструмент и способ подчинить подвластного субъекта. Во-вторых, понимание подвластным иррациональности, бессмысленности, социальной бесполезности выполнения абсурдного требования, с одной стороны, а с другой — страх ответственности за его неисполнение ставят подвластного субъекта в крайнюю степень психологической зависимости, максимально поражают способность к сопротивлению, делая его тем самым удобным объектом для властвования и реализации бюрократических интересов.

Для управленческой системы, пользующейся абсурдистскими методами властвования, характерно нагнетание абсурдного прессинга, давление на основе непрекращающегося поступления абсурдных требований, их постоянной переменности. При этом отсутствует какая-либо позитивная динамика, нет движения к социально полезной цели. Цель здесь одна — реализация интересов бюрократической системы, ее самосохранение и расширенное воспроизводство.

Динамика такой системы заключается в постоянной смене абсурдных требований, иррациональных по своему социальному смыслу, но рациональных с точки зрения интересов бюрократической системы. Задача такого процесса — подавить волю подвластного лица к сопротивлению. Не существует более эффективного способа уничтожить человека психологически, чем загрузить его бессмысленным трудом.

Бюрократическая система, “забывшая” об интересах объекта управления и работающая только на свои интересы, обречена на уничтожение: это логическое завершение ее существования. Однако длительность существования, степень произведенных в обществе разрушений, способ ликвидации у бюрократических систем неодинаковы. Это зависит от характера и иерархического уровня бюрократического центра, состояния общества, и прежде всего от состояния и поведения подвластного субъекта (объекта управления). Те же революции, например, — один из способов ликвидации бюрократической системы в масштабе государства. Для уничтожения

иного бюрократического центра достаточно постановления правительства или приказа министра. Изживший себя субъект бюрократического властвования может быть ликвидирован: а) в результате самораспада; б) властным решением вышестоящей управленческой системы; в) действиями подвластного субъекта, “восставшего” против зараженного “вирусом” бюрократизма субъекта власти (революции относятся именно к этому варианту развития событий).

“Вирус” этой опасной социальной инфекции заложен в каждой бюрократической системе. Причина — сам принцип организации управления на основе разделения субъекта и объекта власти. Однако степень бюрократизации властно-управленческой системы может быть различной. Исходно она может быть равна нулю, когда властная система полноценно работает на интересы объекта управления. Противоположная точка состояния властно-управленческой системы — полный уход от интересов объекта управления, использование властных полномочий только в целях самосохранения и бюрократического саморазвития. В этом состоянии бюрократическая система наиболее опасна для объекта управления.

Примечательна в плане затронутой проблематики ст. 138.1 современного российского Уголовного кодекса, содержащая запреты на тему устройств, производящих видеозапись. По нормам этой статьи можно получить четыре (!) года лишения свободы только за приобретение (!) китайской игрушки с видеокамерой. Сделано это под предлогом охраны тайны личной жизни. А сломать эту самую “личную жизнь” четырьмя годами лишения свободы — это как? СМИ уже освещали факт привлечения к уголовной ответственности пожилого человека, который приобрел подобную китайскую игрушку в виде очков для записи игр своих внуков². Это ли не абсурд? Абсурд, конечно, но страшный, в том числе и своей закономерностью. “Противодействие” коррупции в России следует начать с ликвидации этой статьи УК РФ. Сам факт ее существования заставляет усомниться в искренности деклараций бюрократии о борьбе с коррупцией.

Бюрократия и коррупция — сиамские близнецы. Разросшаяся бюрократия — наиболее опасный внутренний враг государства, а если она еще и поражена коррупцией, то опасность для общества возрастает многократно.

Особенно опасна бюрократизация юрисдикционных органов государства (их еще называют “правоохранительными”): ведь они в своей деятельности используют наиболее острые приемы государственного властвования и в случае ориентации на интересы своей системы, и формальные показатели ее деятельности могут существенно ущемить жизненно важные интересы людей. Известны факты, когда обнаруживалась невинность людей, которым органы, призванные осуществлять правосудие, вынесли в свое время смертные приговоры именно по той причине, что в своей деятельности учитывали прежде всего бюрократические интересы своей системы (а в конечном счете — интересы лиц, функционирующих в этой системе).

Еще одна пугающая черта современной бюрократии — это жестокость при отправлении государственных функций должностными лицами и органами, которые должны быть сострадательны и милосердны по самой своей природе, — опеки и попечительства, ювенальной юстиции и т.п. Российская бюрократия эту черту у “цивилизованного” мира уже позаимствовала.

Абсурд в сфере современного российского образования и науки. Актуальна затронутая проблематика для анализа состояния государственного управления в современной России. Наглядно это проявляется на примере разрушительной “реформы” российского образования, которая началась с подачи и на деньги “лучшего друга” России — Дж. Сороса. Общая сумма финансирования негативных процессов в российском образовании, науке и культуре из фонда Сороса — порядка четверти миллиарда долларов. На эти деньги в России были осуществлены разные “проекты”³, но свою часть американского пирога чиновники отработали честно: цель, поставленная Соросом, достигнута. Сейчас этот глобальный, разрушительный для общества процесс продолжается уже на средства российских налогоплательщиков.

Бездумное (или хорошо продуманное) перенесение “западных образцов” на российскую почву привело в организации науки к абсурдным ситуациям⁴. Авторы справедливо указывают на абсурдность требования об обязательном наличии у оппонентов публикаций по теме защищаемой диссертации. А как быть с требованием новизны? Абсурдность данного требования усугубляется тем, что публикации оппонентов должны быть не старше пяти лет

² См.: http://www.gazeta.ru/social/news/2013/04/24/n_2873553.shtml

³ См.: <http://www.liveinternet.ru/users/5673855/post359154960/>

⁴ См.: Бабурин С., Голик Ю., Рагимов И. Не смей свое мнение иметь // Лит. газ. 2014. № 39.

и сделаны только в строго определенных изданиях — так называемых “ваковских” журналах. При этом монографии в расчет не принимаются.

Похожее требование предъявляется в образовательном процессе: преподавателей обязывают указывать в учебных программах только литературу последних пяти лет. Это равно тому, как если бы в оркестрах запретили использование скрипок, возраст которых превышает пять лет. Значит, “страдивари” — об угол, а Коркунов, Шершеневич, Ильин — вон из учебного процесса. Авторам подобных правил надо бы знать, что научные источники по общей теории права накапливаются и отбираются в учебный процесс столетиями, как крупницы золота из тонн руды. Они не могут быть собраны и представлены в учебных программах по признаку «последних пяти лет», тем более что за «последние пять лет» ничего пригодного для учебного процесса может быть и не создано. Составителям инструкций следует руководствоваться не только бюрократическими ориентирами, мотивами и интересами, но и здравым смыслом. Надо “знать”, “уметь” и “владеть”.

Абсурдизация российского образования и науки привела к тому, что российские ученые вместо того, чтобы решать реальные научные проблемы, вынуждены заниматься пустым делом, практически профанацией — взаимоцитированием по предварительной договоренности с целью поднять друг у друга “индекс Хирша”, своего рода “российский ответ” на западные придумки. Некоторые “специалисты”, мало чего добившиеся в науке, но в совершенстве овладевшие этим приемом, достигли по названному “научному показателю” рекордных высот. Теперь надо готовиться (прежде всего, финансово) к покорению новой бюрократической вершины — выполнению требования об обязательном наличии публикаций в так называемом “Скопусе”. Деньги с “научной общественности” опять будут собраны немалые.

В условиях развала объекта управления и отхода от решения его насущных проблем бюрократическая система с целью самосохранения имитирует социально полезную деятельность путем постановки ложных задач, требуя от подвластного субъекта их решения. Здесь примером из современного российского образования может быть возложение на преподавателей вузов обязанности составлять никому не нужные, абсолютно бесполезные для учебного процесса “учебно-методические комплексы”, “рабочие программы” и т.п., объемы которых исчисляются сотнями страниц, а изменение требований к ним со стороны бюрократического центра — никогда не

прекращающийся, перманентный процесс. Программы учебных дисциплин советского времени — 20–25 страниц текста. Причем текста полезного, которым пользовались и студенты, и преподаватели. А сейчас у преподавателей вузов нет времени не то что заниматься наукой, но просто перевести дух. В вузах пора уже создавать специальное подразделение, которое отрабатывало бы бюрократические требования, а преподаватели были освобождены для учебного процесса и науки. Администрации вузов должны амортизировать, по возможности смягчать давление на преподавателей управленческого абсурда, а не усугублять его бюрократическим рвением.

Бюрократия способна извратить самое благое начинание верховной власти. Яркий пример тому — процесс исполнения “дорожной карты” по увеличению заработной платы преподавателей вузов, который превратили в сущее издевательство над преподавателями. Приемами жесткого бюрократического прессинга (слежкой, постоянными проверками, возложением запредельной учебной нагрузки, непомерными и бессмысленными “бумажными” требованиями и т.п.) преподавателей, не утруждая себя сложной процедурой сокращения штата, просто выдавливают из вузов. Учебная нагрузка падает на оставшихся, которым в некоторой степени и повышается зарплата на основе издевательского “эффективного” контракта. По этому “контракту” преподавателю без всякого объяснения может быть урезана оплата за тот или иной месяц труда. Таким способом его уподобили лошади в шорах, отдали на откуп администрации. В вузе этими вопросами занимается целый “отдел”, в котором ежемесячно по разным “каналам” собирается информация о “провинностях и прегрешениях” преподавателей и принимается решение о размере урезания.

Изобретатели “эффективного контракта” (или те, кто позаимствовал его у “цивилизованного” мира) не учли психологию и систему ценностей русского человека, который ценит в отношениях ясность и стабильность, а моральное поощрение ставит выше материальных благ. Страхом и унижением, а точнее — угрозами и попытками унижить, “эффективно” трудиться его не заставить. “Эффективный контракт” в России — это не способ повысить “управляемость” трудового коллектива, но весьма эффективное средство вызвать у него недобрые чувства.

Невыносимую атмосферу в вузах создают своей деятельностью управленцы новой генерации — так называемые “эффективные менеджеры” (они же “финансовые стратеги”). Их должности могут

называться по-разному, но суть от этого не меняется. Жизнь в российском государственном вузе они выстраивают по образцу американского офиса: со слежкой за работниками (в электронном и “натуральном” виде), денежными штрафами и т.д. “Эффективным менеджерам” не дано понять, что вуз, тем более если он в статусе университета, — это не украшенные стены, фонтан и даже не военная кафедра. Университет — это традиции и особая атмосфера благожелательности, творчества, доверия, уважения к преподавателям и понимания их роли в вузе.

Вообще, кто главный в вузе? Главная вузовская фигура — студент. Без нее становится бессмысленным существование всей остальной конструкции. Второе по значимости лицо — профессор. И это — не просто преподаватель: он — фактор науки и воспроизводства научно-преподавательских кадров. Третье место в этой иерархии занимает остальной преподавательский корпус. Оставшиеся члены вузовского коллектива, начиная от ректора и заканчивая теми, кто убирает служебные помещения, составляют обслуживающий учебный процесс персонал. Так должно быть в идеале. В нынешней ситуации всевластия бюрократии все поставлено с ног на голову. В настоящее время (будем надеяться, что это недолго) в российском образовании и науке “рулят эффективные менеджеры”.

На данный момент самая уязвимая фигура в вузе — профессор. Именно по профессуре современная бюрократия своими приемами и методами управления вузовским образованием наносит основной удар. Профессора для “эффективных менеджеров” — это не наиболее квалифицированные кадры вуза, но неудобные “пенсионеры”. “Эффективные контракты” с ними заключаются на один год. Да и сама профессура в силу творческого склада ума наименее приспособлена к борьбе за выживание в условиях бюрократического абсурда. Справедливо об этом высказалась профессор Саратовского государственного университета В. В. Афанасьева⁵.

Вузовская бюрократия делает ставку на доцентов среднего по научным меркам возраста (от 40 до 50 лет), которым просто некуда деваться, и они безропотно выполняют все абсурдные требования. Однако всему есть предел, в том числе и физический. В частности, пора остановить тенденцию ежегодного увеличения норм учебной нагрузки. К этому вопросу уже нужно привлекать медицинские показатели. И это вполне серьезно: основная часть учебной нагрузки преподавателей — это та, которую принято называть “горловой”.

“Бакалавры” и “магистры” как продукт бюрократической реформы российского образования.

Кто такие “бакалавры” и “магистры”? Каково их место в современном российском обществе? Этого не понимают ни “работодатели”, ни преподаватели вузов, не говоря уже о самих “бакалаврах” и “магистрах”. Если с начала “реформы” все это подавалось под лозунгом интеграции в “цивилизованное” европейское сообщество, то сейчас с этим направлением интеграции все понятно: во-первых, этому сообществу как бы самому не развалиться; во-вторых, как выяснилось, это не та система ценностей, которую нужно воспринимать и у себя воспроизводить.

Если так уж хотелось “интегрироваться” и соответствовать европейским “стандартам”, то можно было поступить просто: выпускников вузов назвать “бакалаврами”, а кандидатов наук — “магистрами” (при нынешнем уровне их подготовки и качества диссертаций они этому “цивилизованному” званию как раз соответствуют). Однако такое простое решение вопроса не требует дополнительного финансирования, и бюрократической системе оно невыгодно. Ссылки бюрократии на Болонский процесс и его стандарты мало что объясняют и ничего не оправдывают.

Бюрократия меркантильна по самой своей природе. Ее суть как раз и заключается в ориентации на собственный интерес. В этом плане примечателен современный российский феномен “зарплат” руководителей государственных (!) организаций, в сотни и более раз превышающих заработные платы рядовых членов трудового коллектива. Характерный пример — “начальник” ФГУП (федерального государственного унитарного предприятия) “Почта России”, ежемесячная “зарплата” которого составляла до недавнего времени 12 млн руб., что в тысячу (!) раз больше того, что выплачивают за месяц труда рядовому почтальону, — тоже абсурд. Но, как уже приходит понимание, за каждым бюрократическим абсурдом кроется нечто рациональное с точки зрения интересов бюрократической системы. Похоже, что огромные, непомерные “зарплаты” начальников государственных организаций выполняют роль концентраторов, своего рода конденсаторов, финансовых средств, с тем чтобы вышестоящее бюрократическое звено точно знало, где деньги⁶.

⁵ См.: Афанасьева В. В. Пять причин, по которым не следует становиться профессором // <http://www.vzsar.ru/blogs/3174>

⁶ Высказанное здесь предположение нашло подтверждение в сообщении российских СМИ о возбуждении уголовного дела по факту утверждения чиновницей Минкомсвязи выплаты 128 млн руб. зарплаты и премий главе “Почты России”.

О “бакалаврах” настойчиво, прежде всего сверху, формируется мнение как о специалистах несовершеннолетних, не вполне отвечающих профессиональным качествам. Эта мысль как внушается самим “бакалаврам”, формируя у них комплекс профессиональной неполноценности, так и воспроизводится в масштабе общества. Например, имеют место факты, когда юристов с дипломом “бакалавра” не берут на работу в органы прокуратуры, требуя от них еще и магистерской подготовки. В чем тут дело? В меньшем сроке обучения “бакалавриата”? Но в советское время юристов готовили не только на юридических факультетах университетов с пятилетним сроком обучения, но и в юридических институтах, где на очной форме обучения студенты-юристы учились четыре года. При этом никто не считал, что выпускники Саратовского, Свердловского, Харьковского юридических институтов — это юристы второго сорта. Тогда почему “бакалавры” — это второй сорт? Дело тут не только в формировании кому-то нужных, “западных” представлений о месте “бакалавров” в обществе, но и в объективном, целенаправленном ухудшении самого процесса их профессиональной подготовки. Делается это путем коверкания учебных программ (чего в этом плане стоят одни только пресловутые “компетенции”), исключения необходимых учебных дисциплин, их замены на надуманные и малонужные, конъюнктурные дисциплины⁷. Так, в программе обучения “бакалавров”-юристов ликвидирована учебная дисциплина “Проблемы теории государства и права”, необходимость и полезность которой для подготовки юристов были установлены еще в советское время и проверены десятилетиями. Сейчас из программы обучения “бакалавров” убирают государственный экзамен по теории государства и права. Нельзя более эффективно способствовать деградации юридического образования, чем изъять из него общеправовую подготовку. Юрист без знания общих положений теории права и государства просто опасен для общества и политической системы.

Видимо, одна из целей формирования охарактеризованного “имиджа” “бакалавров” — подвигнуть их к тому, чтобы стать “магистрами”. Однако с “магистрами” все обстоит еще хуже. Их подготовка граничит с профанацией (поэтому напрасно руководители юрисдикционных органов России требуют от “бакалавров” стать “магистрами”). С “магистратурой” связано много проблем,

причем созданных искусственно (как и сама “магистратура”), начиная с придумывания экзотических и однобоких “магистерских программ” и заканчивая постановкой преподавателей в университетскую роль зазывал, обязывая их хотя бы кого-то привести на “свое” магистерское направление (поневоле вспоминается ликвидированное полноценное обучение второму высшему образованию). А ведь скоро весь этот немалый объем (если не сказать — толпа) “магистров” начнет искать социальную нишу, свое место в обществе. Они постучатся в дверь к каждому: будут учить, судить и лечить.

Российское образование, исковерканное бездумным заимствованием западных “образцов” и заведенное в бюрократические дебри, нужно вернуть к своим собственным ценностям, стандартам и традициям. И как можно скорее: меньше будет сломано судеб, меньше нанесено вреда и самому образованию, и российскому обществу в целом.

Накопленный опыт разрухи в образовании позволяет (и заставляет) констатировать, что Болонский процесс в России не прижился и что пора этот “процесс” остановить или сделать его параллельным направлением образования, готовящим кадры для “цивилизованного” зарубежья. Это будет хорошим способом вернуть Болонский процесс на родину.

Перспективы теоретической разработки проблемы. Иррациональные приемы властвования как симптом крайней степени бюрократизации управленческой системы — это часть более общей проблемы факторов, определяющих такое состояние бюрократически организованных систем управления. Фактором, конечно, являются собственные закономерности развития бюрократической системы, сама логика ее внутреннего развития (самосохранения и экспансии). Однако это развитие всегда происходит в определенных условиях социальной среды под влиянием внешних факторов, которые определяют скорость и масштабы бюрократизации управленческой системы. В масштабе государства такими факторами являются: а) состояние общества как объекта управления, степень его приближения к идеалу гражданского общества; б) характер взаимоотношений бюрократии и верховной власти. Принципы, положенные в основу договора верховной власти и бюрократии, во многом определяют поведение бюрократии, те приемы, которые она использует в управлении населением.

⁷ Примером может быть учебная дисциплина под названием “Мониторинг правоприменения в Российской Федерации”.